

Книговерть *Век клед. - 1936. - 2 Всен. - с. 7*

Лимонов как зеркало русского лицедейства

Наконец-то в России вышла книга стихов Эдуарда Лимонова, которая предельно ясно отвечает на ряд вопросов: почему поэт занялся политикой, почему избранная им политика столь утробна, почему внутри этой утробной политики он пользуется непрекращаемым авторитетом, почему ему до сих пор удается дурачить товарищей по партии.

Книга "Мой отрицательный герой" (стихи 1976 — 1982 годов, написанные в Нью-Йорке и Париже) вышла у Александра Шаталова в издательстве "Глагол", единственном в России месте, где привечают Лимонова как литератора. Ведь не считать же "Молодую гвардию", опубликовавшую его роман, заведением литературным, где печатают то, что хорошо, а не то, что якобы полезно.

На последней странице обложки, в строгом соответствии с требованиями евростандарта, дано обширное высказывание Иосифа Бродского о поэзии Эдуарда Лимонова. Нобелевский лауреат говорит о том, что эти стихи вытекают из Хлебникова и обериутов. Однако Бродский, предельно занятый своим внутренним миром, навряд ли прочитал предложенные ему тексты в достаточном для анализа объеме. Поэтому рискованно не согласиться, невзирая на уготованные ортодоксами в наш адрес громы и молнии.

Эдуард Лимонов является полномочным представителем не только лишь Хлебникова, Заболоцкого, Введенского и Хармса, а куда более обширного круга поэтов. Причем не только русских. Поэтому начнем считать, хоть в конце пути мы обязательно со счета сойдемся. Правда, Хлебникова нам придется из этого списка исключить, поскольку не тот темперамент и не тот принцип отношения к слову. Но обериуты — это уж точно:

Люди, ноги, магазины...
Все изделия из фасона
Из стекла и из резины
Продаются монотонно.

Затем — желчный под ко-

нец жизни Ходасевич: "Мне невозможно быть собой, // Мне хочется сойти с ума, // Когда с беременной женой // Идет безрукий в синема". У Лимонова: **Сосед англичанин надел кожух Подругу взял и пошел в кино И не возвращался часов до двух Вернулся вдвоем, я видел в окне.**

Казалось бы, только формальное сюжетное совпадение. Однако финал точно той же, ходасевичевской, интонации: **К чему эта жизнь меня приведет Как всех к концу, а конец один Я вижу как грубо мой труп кладет В большой чемодан чужой господин**

**Нет он не поправит за членом член
Чтоб мягко лежали, не терлись бы
Его профсоюз-ввиду низких цен
Ведет забастовку против судьбы...**

Ощущается и присутствие Лермонтова, которому "некому руку подать в минуту душевной невзгоды":

**Я ходил в супермаркеты... Там как Мальмот
Я топтался часами.**

**Презрительно рот
Искриля в улыбке
бритвенно-тонкой
Вы хотите чтоб после,
я род бы людской
Бы любил бы как прежде.**

**Как червь городской
Умился мадонне с ребенком..?**

Не обошлось, естественно, без бодлеровских "Цветов зла" (поскольку "в Париже жить — по-французски выть"), без театральной свирепости американского Алена Гизбурга. И на этом мы свой счет будем заканчивать, потому что при всем при том Эдуард Лимонов — поэт самобытный, со своим голосом и своим мироощущением. И даже со своим особым синтаксисом, который не весь основан на обериутских инверсиях:

**Я шел по Бродвею, одетый
в полковничий плащ
Полковник был русский,
а после — нацистский палач
Покончив с войною, в Нью-Джерси
приплыл в пароходе
И умер недавно согласно закону
в природе...**

Лимонов — эстет, для которого искусственная или же вторая реальность — мир-культуры — важнее, чем мир основной со всеми его фундаментальными физическими и социальными законами.

В то же самое время Лимонов хорошо понимает законы современного искусства, которое считает одним из самых перспективных материалов массовое сознание. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в России он занялся своими левацкими политическими художествами. А если учесть его лицедейскую сущность (что сказывается в вышеприведенном перечне его поэтических пристрастий), то не заниматься он этим не мог.

Конечно, можно это квалифицировать и как поиск дешевой популярности, но Лимонов не Зюганов, им движут иные мотивы. Причем, с одной стороны, за счет внутреннего чутья, с другой, — отталкиваясь от отрицательного опыта эволюции Маяковского, Эдуард Лимонов не поплыл по политическому течению, а начал энергично грести вспять. Романтический герой должен быть поджарым, а не обрюзгшим и пресыщенным халявными хлебами.

Исходя из вышеизложенного, нетрудно видеть и то, что автору "Моего отрицательного героя" нет никакого дела до борьбы, скажем, за социальную справедливость, которую он воспе-

вает в своей "Лимонке". Точнее, он подобен играющему Гамлету актеру, который одержим жадной мести лишь на сцене, да и то, если в театре аншлаг. Но там, внутри себя, ему глубоко противны товарищи по борьбе — ребята простые и не обремененные излишним интеллектом.

**Да здравствуют кролики разных народов
Сплоченные вместе приятным трудом**

**Повысим усилия кролиководов
И больше кроликов произведем**

Ну а что дальше? Ведь уже возраст не тот, сил не столь уж и много. Даст "петуха", сфальшивит, а коллеги-экстремисты этого не прощают. Ведь Лимонова-поэта для них не существует, поскольку они разбираются в лимоновской поэзии, как свинья в апельсинах. Ну а демократическое большинство уже давно предало его анафеме и никогда уже не сможет прочитать его изданные стихи. По-видимому, Лимонов останется поэтом для немногих, не побоясь этого слова, избранных. И его политические шаги никоим образом на это не только не повлияют, но и не повлияли в прошлом. Надо только лишь подальше прятать от него спички.

Владимир ТУЧКОВ.